

Порождающая модель пропаганды: к лакунам когнитивной теории

Г. Г. Хазагеров
(Россия)

В статье критикуется распространенный сегодня когнитивистский подход к проблеме речевого воздействия, в частности к проблеме манипулирования. Предлагается дополнить этот подход рассмотрением функционирования языка на уровне общения реципиентов речевого воздействия между собой. На материале языкового учебника сталинской эпохи демонстрируются приемы пропаганды, сосредоточенные на порождении советского дискурса.

Настоящая статья, написанная на вполне конкретном материале сталинского периода, имеет главной целью не демонстрацию этого материала, а попытку выйти в теории манипулирования за рамки господствующей сегодня когнитивной парадигмы. Ею открывается серия статей, в которых автор пытается уравновесить крайности господствующего сегодня когнитивного подхода некоторыми коммуникативными наблюдениями и идеями.

В пятидесятые и последующие годы появляется длинный ряд лингвистических работ о языковом манипулировании, на которые явное влияние оказал Джордж Оруэлл, в некоторых из них даже содержатся прямые ссылки на него (1, с. 35). В конце концов мысль о манипулировании с помощью языка, в котором изначально дана такая концептуализация действительности, что реципиент манипуляции не может мыслить вне навязанной ему схемы, становится общим местом когнитивной лингвистики. Ни в одной из этих работ о всевластии языка не рассматривается, однако, то, что есть у самого Оруэлла, если читать не только приложение к его знаменитой утопии (о словаре новояза), а сам роман, в котором многократно изображаются различные коммуникативные ситуации в тоталитарном обществе.

В коммуникативной ситуации помимо реципиента пропаганды и остающегося за кадром всемогущего заказчика пропаганды (Большого брата), имеется по крайней мере второй реципиент. В самом деле, каким бы жестким ни был контроль, как ни велико было бы желание заставить всех людей общаться через некий центр, реальность и даже фантастика предполагают все же возможность двух реципиентов говорить между собой. А это существенно меняет всю схему пропаганды, и реальные пропагандисты, как и персонажи Оруэлла, к такому повороту сюжета были готовы. Между тем ученые, работающие в когнитивной парадигме, до сих пор не обнаруживают желания исследовать ситуацию, в которой помимо вертикальных связей (от Большого брата или Языковой картины мира к носителю языка) есть еще горизонтальные связи между самими носителями.

После известной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона (2) языковое манипулирование на манер новояза стали сводить главным образом к воздействию метафор, причем еще Лакофф и Джонсон, а позже другие исследователи и сам Лакофф неоднократно подчеркивали бессознательный характер усвоения манипулятивной или просто языковой метафоры,

ускользающей от нашей рефлексии и заставляющей нас принимать некоторые вещи как аксиомы. В Оруэлловском мире, однако, акцент сделан не на бессознательности, а на особых технологиях, которые учат обманывать рефлексию (двоемыслие), но никак не базируются на наивной мысли о том, что в обществе тотальной пропаганды кто-то может о ней не задумываться. Неслучайно все удачные примеры зарубежные исследователи, а вслед за ними и отечественные охотно черпают из американской прессы, реальное функционирование которой достаточно далеко от положения, когда монополия на слово принадлежит Большому брату, а пропаганда пронизывает все сферы жизни. Действительно, на периферии манипулирования, где оно в иных случаях неотлично от доходчивого убеждения и обычной публицистической расстановки акцентов, речь идет именно о полусознательно воспринятых метафорах. Это же относится и к обиходному языку с его «наивной картиной мира», где также бессознательность (которую очень легко разрушить первым же проявлением языковой рефлексии) выглядит как правило, достаточно невинно, немного прибавляя к нашим знаниям о гипотезе Сэпира – Уорфа и к приводимым ими примерам. С тоталитарной пропагандой дело обстоит сложнее.

Вся механика тоталитарной пропаганды, во всяком случае той, которая использовалась в Советской России, была построена на том, чтобы подчинить горизонтальное общение между людьми законам официального общения, чтобы заставить пропаганду работать и тогда, когда репродуктор уже выключен и газета оставлена, и даже тогда, когда собрание «коллектива» уже закончилось. Население было вовлечено в пропагандистскую деятельность, оно само становилось пропагандистом. Это не значит, что оно самостоятельно выбирало темы и акценты, это значит, напротив, что его необходимо было научить развивать выбранные темы и расставлять предписанные акценты. Иными словами, его нужно было вооружить моделью, порождающей советскую речь. Дать ему не столько новояз, сколько новодикурс, или «новоречь» (у Оруэлла «речекряк»).

Решить такую масштабную задачу, опираясь только на бессознательно усваиваемые метафоры, невозможно. Миновать сознательную стадию в обучении нельзя.

Порождающая модель коммуникации выглядела так. Существовала глубинная структура с базовыми концептами (следует быть осторожным и не злоупотреблять словом «мифы», учитывая сознательный способ их внедрения). Эта глубинная структура конкретизировалась согласно теме и разворачивалась затем в речь в соответствии с правилами. Она могла также модернизироваться при наличии соответствующих установок.

Глубинных структур, как и следует, было немного. Это были топосы, построенные вокруг времени (мрачное прошлое – светлое будущее, хорошее в сравнении с прошлым настоящее), пространства (родная страна – враждебное окружение) и людей (народ – враги народа – отец народа). Из времени вытекал концепт разнообразных достижений, из пространства – беспредельных просторов и внешних врагов, из народа – творческих сил, из врагов – всевозможной борьбы, из отца – мудрости и предвидения. Все это были конкретизаторы глубинной структуры – топосов – с учетом текущего момента и в меньшей степени с учетом жанра речи.

Но были и правила развертывания топосов в тексты – универсальные фреймы. Например: исходный тезис – ссылка на мировую культуру – ссылка на Маркса и Ленина – голос простого человека – заключительное упоминание Сталина как разрешение темы. Все это слоты фрейма. Ссылка на культуру могла, например, заполняться упоминанием греческой мифологии, здесь лидировал Прометей, или цитатой из философов, охотно цитировалась литературная классика. Легко построить рейтинг для заполнения этого слота. Слот «классики марксизма» не требует комментария. Иногда он дополнялся слотом «высказывание вождя партии». Голос простого человека, это высказывание ударников, простых рабочих, депутатов «из народа»: «и я вот этими руками» и т.п.

Рассмотрим дидактический материал из учебника русского языка, написанного для студентов-узбеков учительского института (3). Мне уже случалось писать об экспансии дидактического жанра в советской культуре (4). В частности словарю, особенно энциклопедическому, возвращались его средневековые функции – быть собранием нравоучений (в советском случае – агитационных миниатюр). Агитационно-учительный тон в той или мере присутствовал во всех публичных жанрах. Показать это нетрудно, но я выбрал в качестве иллюстрации сам жанр учебника, где особенно наглядно заметно, как вместе с обучением языку идет обучение «политической грамоте». И эта политическая грамота оказывается еще и политической грамматикой, т.е. умением строить политически правильную речь, тиражируя пропаганду.

Советские языковые учебники часто упрекают за коммуникативную недостаточность: учили языку в отрыве от языковых ситуаций. Однако, на мой взгляд, исследуемый учебник в этом отношении мало уступает современным оксфордским учебникам английского. Только коммуникативные ситуации берутся не из жизни, а планируются заранее как образцовые. Навязывается речевое поведение по советским лекалам, а не только советская картина мира. Метафоры или другие «незаметные» категоризаторы вообще не играют в учебнике никакой роли. Категоризация дана в лоб. Иногда даже создается впечатление, что установка «говори, как надо» важнее установки «думай, как надо». С точки зрения социального анализа, последнее соображение не представляется нереальным: сигнал, идущий от Сталина, проходит через множество исполнительней, чью веру в содержание пропаганды никто никогда не измерял. Мы можем судить лишь о лояльности их речевого поведения. В частности, автор учебника – профессор А.В. Миртов, выходец из старой интеллигенции, преподававший до революции в Смольном институте, ученик корифеев отечественной лингвистики, человек широкой эрудиции и широких научных интересов (от риторики до донского фольклора), вряд ли смотрел на мир теми же глазами, что Иосиф Джугашвили. Скорее всего, Алексей Васильевич, занимавшийся, кстати, и проблемами речевого этикета, понимал свою миссию как обучение узбеков тому русскому языку и тому советскому дискурсу, с которыми им придется иметь дело и вне которых их ждут коммуникативные и другие неудачи.

Приведем первый же связный текст из учебника:

«Великая Октябрьская революция освободила узбекский народ от эксплуатации и угнетения.

Все народы СССР получили возможность широко развивать свою национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру.

Всякий гражданин СССР может получить образование на своем родном языке.

Великие завоевания Октябрьской революции вызывают злобу и ненависть международной буржуазии. Буржуазия всех стран стремится к уничтожению первого в мире социалистического государства.

Но мы сильны и непобедимы. Сила наша растет. Наша страна становится все сильнее.

Основа нашей силы – дружба народов, объединенных общими задачами, общими интересами.

Наше единство – наша сила. Русский язык является очень важным средством укрепления братства и дружбы народов СССР.

Наши враги это прекрасно понимают. Буржуазные националисты, разгромленные советской властью, в первую очередь пытались сорвать в школах изучение русского языка.

Так было на Украине, в Казахстане, в ряде других республик.

Так было и в Узбекистане.

Коммунистическая партия во главе с мудрейшим вождем народов – товарищем Сталиным раскрыла замыслы буржуазных националистов и разгромила их.

Наша сила, наше единство еще более укрепились и выросли.

Русский язык теперь изучается во всех школах Узбекистана.

Русский язык – язык Октябрьской революции, язык Ленина – Сталина.

Русский язык – это средство для усвоения трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Русский язык – это средство для изучения всех наук и мировой литературы. На русском языке имеется богатейшая научная и художественная литература.

Для того, чтобы поднять национальную культуру на высшую ступень и наполнить ее социалистическим содержанием, нужно вполне овладеть своим родным языком и обязательно русским языком».

Текст называется «Мы изучаем русский язык» и имеет вполне понятную дидактическую цель – мотивировать студента к изучению русского языка. Для этого демонстрируется важность этого языка в наиболее существенном для советской культуры политическом аспекте, аспекте, на котором без преувеличения замыкались вопросы жизни и смерти. Автор убедительно выстраивает свою ретиорику.

Однако, как и у почти всякого советского текста, а у учебного тем более, у этого пассажа есть и другая цель – явить общие места в положенном лексико-грамматическом интерьере.

Эти места (топосы) легко вычлняются из текста. Что же касается интерьера, то здесь автору важно продемонстрировать семантическую связанность слов, фразеологизацию, идиоматизацию советского языка.

Во-первых, в тексте есть названные базовые топосы: «раньше – теперь», «мы – враждебное окружение». Во-вторых, эти топосы конкретизируются в свете темы языка и иногда повторяются с амплифицирующим варьированием:

«Сила наша растет. Наша страна становится все сильнее»; «Наша сила, наше единство еще больше укрепились и выросли»; «Русский язык – это средство для изучения всех наук и мировой литературы. На русском языке имеется богатейшая научная и художественная литература». Такие парные амплификации, особенно ярко это в первом примере, несут на себе черты подражания библейскому стилю, они придают речи универсальность и торжественность. Но в целом это частность, обусловленная еще и влиянием вязкого стиля самого Сталина. Важнее же то, как следует разворачивать топоры в соответствии с советским этикетом.

Почти все грамматические субъекты выражены клишированной формулой, являются если не собственными именами, как первый «великая Октябрьская революция», то устойчивыми оборотами, которые встречаются во многих текстах: «все народы СССР», «всякий гражданин СССР», «буржуазия всех стран», «великие завоевания Октябрьской революции», «Коммунистическая партия во главе с мудрейшим вождем – товарищем Сталиным». Спаянность слов в клише принципиальна. Смысл выражения «буржуазия всех стран» не выводится из смысла свободного словосочетания, так как содержит дополнительную мысль о том, что буржуазия едина в стремлении вредить Стране Советов, и различия внутри буржуазии не существенны. То же с народами и гражданами. Что же до завоеваний Октября, то они всегда великие – так о них следует говорить. Последнее клише «Коммунистическая партия во главе с мудрейшим вождем – товарищем Сталиным», несмотря на свою длину, комментариев не требует. Другие именные сочетания тоже клишированы: «братство и дружба народов» (с амплификацией), «эксплуатация и угнетение» (амплификация), «первое в мире социалистическое государство», «злоба и ненависть международной буржуазии» (амплификация). Устойчивость прослеживается и в самих предикативных ядрах: народ – освобождают (или угнетают), культуру – развивают, поднимают на высшую ступень. Важной является формула «национальная по форме, социалистическая по содержанию». Такие формулы можно было бы назвать формулами особой взвешенности. Их надо знать наизусть, чтобы не попасть под какой-нибудь «уклон».

Если же посмотреть на текст как на фрейм, то здесь не хватает слотов «писатели о языке» и «марксисты о языке». Это, однако, имеется во второй части текста, которую я не привожу из соображений экономии, а также в силу однотипности материала.

В словарном минимуме «наши имена» даются три группы собственных имен: «Наши вожди» (Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ильич Ленин, Иосиф Виссарионович Сталин), «соратники Ленина и Сталина» (Сергей Миронович Киров – его имя дано в траурной рамке, Вячеслав Михайлович Молотов, Климент Ефремович Ворошилов, Михаил Иванович Калинин, Лазарь Моисеевич Каганович), «великие писатели» (Александр Сергеевич Пушкин, Михаил Юрьевич Лермонтов, Николай Васильевич Гоголь, Лев Николаевич Толстой, Тарас Григорьевич Шевченко). В рамке выделены слова: «Орфографические ошибки в этих именах уже недопустимы в начальной школе».

Так представлена в словарном минимуме персонифера. А концептосфера? Вот словарный минимум «для обязательного усвоения». Он состоит из двух частей, первая – сложные слова: ВКП(б), ВЛКСМ, Коминтерн, Комсомол, Партбюро, Горком, Завком (слова даны с расшифровкой, а первое с

произношением). Далее идут обычные слова: «Партия, партиец, беспартийный, большевик, Вождь, Основатель, основать, Руководитель, руководить, Большевик, большевичка, большевистский. Коммунист, коммунистка, коммунизм, коммунистический. Ленинец, ленинизм, ленинский. Сталинец, сталинский. Марксист, марксистка, марксистский. Социалист, социализм, социальный, социалистический». После черты, которую надо интерпретировать, видимо, как границу порции материала, следуют: «Агитация, агитировать, агитатор, агитационный. Пропаганда, пропагандировать, пропагандист, пропагандистский. Съезд, съездовский, член съезда. Пленум, пленарный. Совещание, совещательный голос. Слет. Собрание, заседание. Член, член партии, член союза. Устав. Демонстрация, демонстрировать, демонстрант, демонстративный (показательный). Политика, политический. Забастовка, забастовать, забастовщик, забастовочный комитет. Революция, революционер, революционный. Борьба, бороться, борюсь, борешься, борются. Восстание, повстанцы, восставшие, восстать, восставать. Свержение, свергать. Уничтожение, уничтожать».

Приведенные слова выражают революционное преобразование мира (от старого к новому через борьбу и уничтожение). Они даже приведены в соответствующей последовательности. Заметим, что момент агитации и пропаганды в этой картине мира не скрывается, а, напротив, подчеркивается, что соответствует «ленинскому учению об агитации и пропаганде», которое, впрочем, укладывается в один абзац сталинского Краткого курса. Следующее за минимумом упражнение предлагает составлять предложения с этими словами. Следующее – разобрать составленное по членам предложения. Затем уже – выписать из газеты предложения с этими словами, что, как мы понимаем, гарантировано исполнимо. Таким образом, это полноценное, не только пассивное, обучение советскому языку, а лучше сказать, советской речи. Через это обучение передается категоризация действительности (или система общих мест, с помощью которых можно и нужно говорить о действительности).

Есть ли здесь манипулирование, то есть скрытое речевое воздействие? Манипулирования через бессознательно усвоенные метафоры здесь нет. Все, казалось бы, происходит на наших глазах. Что же все-таки скрывается? В действительности такая речь в газетах ли, в учебнике ли, в словарных ли иллюстрациях и дефинициях является самым древним, но и самым магистральным видом манипулирования – манипулированием с повесткой дня, что во времена Квинтилиана называлось инсинуацией («спрятанным за пазухой»). Это манипулирование состоит в том, что внушаемому придается слишком большое значение, слишком большой удельный вес в реальном мире, а при этом другое, нежелательное, из этого мира элиминируется, о чем никому не сообщается. Троцкий, Бухарин и другие нежелательные «вожди» не входят в персониферу, они даже вычищаются из фотографий. По выражению Оруэлла, они становятся «нелицом», и их упоминание невозможно. Точно так же «неконцептом» становятся такие понятия, как «грех» или, скажем, «плюрализм».

Стаханов, Загида, Гаганова, Виноградова существовали в действительности, и они действительно перевыполняли план, но реально их примеры не отражали и сотой доли проблем плановой экономики. Напротив, они вели мысль по ложному руслу, представляя экономическую жизнь, из которой была исключена подлинная состязательность, конкуренция, завязанная на эффективности, спортивным состязанием, завязанным на показателях. Дж.

Лакофф говорит о тех американских журналистах, которые, оправдывая военные действия, писали о войне в Афганистане в метафорах спорта. Это достаточно утонченный и при этом достаточно уязвимый способ манипулирования. Изображение труда в условиях социализма как «соцсоревнования» тоже включает спортивные метафоры. Но манипулирование осуществляется не с помощью метафор, более того, их побочный эффект не стоит считать полезным. В метафоре «война – спорт» затушевываются ужасы войны. В метафоре «производство – спорт» происходит нежелательное для заказчика пропаганды снижение серьезной темы индустриализации и построения коммунизма. Но метафорическим эффектом советская пропаганда пренебрегает, и большого вреда он ей не причиняет. Гораздо важнее сдвиг в повестке дня: задачи экономики решаются «почином» и «рекордом».

Всем известно, что представляли собой так называемые выборы в сталинское время. Представлена тема выборов и в рассматриваемом учебнике. Собран соответствующий дидактический материал: выписка из конституции, отрывок из речи Сталина, стихотворение Сергея Михалкова и даже «русские частушки»:

Под окошком снег пушистый,
Чистый как хрусталина,
Голосует вся страна
За родного Сталина.

Это, пожалуй, единственный случай метафорического манипулирования: чистота снега и хрусталя символизируют ясность на душе у автора частушки. Но уже в другой частушке, как и в стихотворении Михалкова, никаких тропов нет. Есть все та же подмена повестки дня, задача которой в данном случае отвлечь от прямого вопроса об отсутствии альтернативы при «выборе», подменить его «наказом» депутатам, как будто те могут действовать самостоятельно. У Михалкова это звучит так: «Преданных партии выберу я, Партия Сталина – совесть моя». В колонке «Депутаты должны быть», обобщающей высказывания Сталина, перечисляются качества депутатов, иными словами, говорится, в каких выражениях надо рассуждать о данной теме. Депутаты должны быть бесстрашными в боях, беспощадными к врагам и т.п.

Когда мы изучаем концепты, образующие языковую картину мира, частотность слов – выразителей концепта – мы учитываем опосредовано, полагаясь либо на интуицию, либо на паремиологический материал, представляющий собой в свою очередь разновременные напластования, либо на субъективный мир писателя, рецепция которого в общественном сознании может дать и другие концепты с учетом того, что мы знаем сегодня об интерпретации художественных текстов. Когда же мы изучаем коммуникативную практику, мы имеем возможность непосредственно наблюдать частность слов, носителей топики. При этом мы имеем возможность сопоставить данные с историческими реалиями. Вследствие этого мы и можем обнаружить манипулирование с повесткой дня: с одной стороны, у нас есть языковые данные, с другой – исторические. В сфере концептологии мы решаем уравнение с двумя неизвестными, зато обладаем множеством косвенных данных, как правило, более интересных для исследователя, чем цифры, вследствие чего мобилизуется научная интуиция, но открывается и широкое поле для фантазий. В учебнике постоянно встречаются графы «наиболее употребимые прилагательные»,

«наиболее употребимые причастия» и т.п. Их «употребимость» не совпадает с данными более поздних частотных словарей. Но у нас нет никаких оснований полагать, что она не соответствовала официальному языку времен написания учебника. Приведенный дидактический материал свидетельствует об обратном. Иное дело, сама официальная речь, включающая все опубликованные тексты, не в последнюю очередь художественные, была серьезным фильтром для реальности. Умение просеивать увиденное и услышанное через этот фильтр – цель учебника.

Просеивание речи через фильтр запретов и предписаний цель не только рассматриваемого учебника. Это цель всей пропаганды, которая в идеале, в тридцатые – сороковые годы близком к осуществлению, заставляет все написанное, если не сказанное работать на себя. Для этого пропаганда должна обладать порождающей моделью – запасом тем и рецептов их языкового воплощения. Определенную роль в этом процессе играют и некритически воспринимаемые метафоры. В учебнике их практически нет, но в других текстах они, конечно, встречаются, начиная с метафоры «стройки». Однако из-за масштаба пропаганды и ее неприкрытого характера, метафоры занимают периферийное место и, как я старался показать в монографии о тоталитарной риторике и других работах (5), работают только тогда и притом недолго, когда содержат дополнительный метонимический компонент, заземляющий их, как в случае со стройками, выплавкой новой жизни и другими индустриальными символами. Думается, что воздействие на картину мира достигается главным образом через то, что «все так говорят». При этом всегда остается загадкой вопрос, думают ли они так. Этим вопросом мучился и Уинстон из «1984». Отрицательные же герои утопии Оруэлла положили все силы на борьбу с «мыслепреступлением», для чего изобрели специальное «двоемыслие». Но, по сути дела, двоемыслие роковым образом возвращало нас в речь, когнитивная его природа выхолащивалась. Процесс выхолащивания смысла, расхождения речи и мысли шел все интенсивнее и в концов смел пропаганду со своего пути, оставив в качестве серьезного осложнения нечувствительность к эклектике, которая проявилась сразу же после снятия цензурных запретов и является тяжелым наследием игры пропаганды с языком.

Тотальная пропаганда – крайний случай бытования языка. Он интересен нам потому, что выявляет существенную лагуну распространенного сегодня когнитивного подхода. Он с очевидностью обнаруживает, что в манипулировании сознанием то, на чем сосредоточена коммуникативная лингвистика, играет более скромную роль, чем принято думать. Скрытая нюансировка, подвигающая реципиента речи к неверным выводам и основанная на бессознательно усвоенной метафоре или прототипе (метонимии), уязвима в двух отношениях: она, во-первых, легко доступна языковой рефлексии, что показывают сами исследования этого предмета, во-вторых, легко уступает нажиму реальности. Грубая, но массивная настройка коммуникативного пространства дает куда более ощутимый результат. Языковой рефлексии здесь недостаточно, необходим анализ не слов, а происходящего, для чего потребна широкая информированность, а ее в условиях монополии на слово легко устранить. С другой стороны, метафоры и прототипы вмешиваются, хотя не так глубоко, как это обычно демонстрируют, непосредственно в когнитивные структуры реципиента, а настройка коммуникативного пространства действует на них опосредовано через погружение в вязкую среду вымученной речи. Во всяком случае урок, который

можно извлечь из анализа учебника, состоит в том, что наряду с изучением когнитивных структур, формируемых вертикально от самого языка или манипулятора к реципиенту, следует иметь ввиду и горизонтальные связи между коммуникантами, т.е. изучить мир ко-реципиентов. Отсутствие знаний об этом мире и есть ощутимая лакуна когнитивной лингвистики. С другой стороны, это и точка ее роста.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. БОЛИНДЖЕР, Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
2. LAKOFF, G., JOHNSON, M. Metaphors We Live By. Chicago, University of Chicago Press, 1988.
3. МИРТОВ, А.В. Учебник русского языка. Для педагогических и учительских институтов Уз ССР. Учпедгиз. Ташкент, 1941.
4. ХАЗАГЕРОВ, Г. Г., ЩЕМЕЛЕВА, Е. Ю. Дидактическая нагруженность словаря: к постановке проблемы // Язык как система и деятельность – 3. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2012.
5. ХАЗАГЕРОВ, Г. Г. Саморазрушение тоталитарной риторики: кризис символики (советский опыт) // Социологический журнал. № 4, М., 2011.